

Против ли нас (абстинентов) Библия?¹

Борьба против алкоголя и пьянства, которую ставим мы своею задачей, — борьба серьезная и очень нелегкая. Нелегкая сама по себе, она еще более затрудняется для нас превратным образом мыслей тех, которые и сейчас еще имеют дерзость стоять за распространение и употребление алкоголя. И где только не удастся этому алкоголю, несмотря на его страшные и губительные свойства, находить себе друзей и защитников! Он находит их прежде всего в лице опустившихся своих приверженцев, у коих любовь к нему превратилась в страсть; находит между виноторговцами, извлекаями из распространения его свою материальную выгоду; находит их между духовными и мирянами, находит даже и между учеными. Это мало. Будучи злейшим врагом всякой религии, он пытается привлечь на свою сторону самую лучшую из религий — христианство с его Библией, чтобы при помощи ее одержать победу над нами, абстинентами (стоящими за совершенное воздержание от спиртных напитков), и нашими стремлениями. Говоря это, я разумею, между прочим, профессора фармакологии и физиологической химии в Галле доктора С. Гарнака, не очень давно издавшего сочинение под заглавием: „Bibel und alkoholischen Getränke“ («Библия и алкогольные напитки»). В этом сочинении он поставил своей задачей доказать абстинентам — о которых он слышал, что они для оправдания своего радикального взгляда часто ссылаются на Священное Писание, — что это Писание совсем не на их стороне, что, по словам этого Писания, „хорошо и весело пить иногда воду, а иногда вино“. Сочинение это далеко не разрешает алкогольного вопроса и по своей односторонности и недостаточной научности конечно, не заслуживало бы серьезного внимания. Но так как оно, по какому-то странному стечению обстоятельств, нашло место в сборнике, изданном по случаю двухсотлетнего юбилея Галльского университета, то может, конечно, не только иметь значительную долю авторитета как ученое произведение для сторонников алкоголя, но сбивать с толку и борцов за трезвость. И не скрою от вас, что отзвуки этого произведения уже слышатся и у нас не только среди мирян, но и среди некоторых духовных лиц. Вот почему мне представляется совсем не излишним доложить настоящему почтенному собранию направленную к защите взгляда абстинентов критическую заметку на это произведение, а в заключение вкратце изложить учение абстиненции с нравственным его обоснованием.

«Хотя я и не знаю оснований противников, но я не одобряю их». По этому, кажется, образцу, говорит Асмуссен, поступает и Гарнак, когда он в начале введения в своем сочинении, говоря о фанатиках (разумея абстинентов), которые в борьбе своей за трезвость берутся часто за оружие в высшей степени сомнительного свойства, далее говорит; „Где царит фанатизм и эгоизм, там всегда стараются, что очень понятно, хотя и в высшей степени печально, ставить дело в связь с религиозными интересами, с субъективной окраской... Это — печальное недоразумение и глубокая ошибка, в которую впадают люди этого покроя, когда они думают найти опору в авторитете Библии, забывая при этом то обстоятельство, что ведь и диавол может сослаться на Священное Писание“. Таково суждение профессора Гарнака.

На странице 15-ой своего сочинения этот муж, забравшийся, так сказать, на Моисеево седалище, приводит слова премудрого Соломона: *Не царям, Лемуил, не царям*

---

¹⁾ Доклад Митрополита Владимира, читанный на противоалкогольном Съезде в Москве 6-го Августа 1912 года.

пить вино и не князьям – сикеру, чтобы напившись они не забыли закона и не превратили суда всех угнетаемых (Притч. 31, 4.).

И к этому он тотчас же присоединяет: „Таким образом, действие, производимое вином, на которое здесь указывается, прежде всего обнаруживается в ослаблении рассудка и потере беспристрастия и беспартийности”.

На это мы вправе сказать, что и для профессоров также имеет значение то, что необходимо для царей и судей, особенно когда они хотят произносить суд над трезвостью и воздержанием. Ибо, если где вино способно оказывать влияние на рассудочную деятельность всякого вообще человека, так в особенности там, где он сам является судьей и критиком в вопросе о вине. Но если, называя нас фанатиками, он против нас выдвигает диавола и нашу деятельность приравнивает к его деятельности, то в этом уже заключается свободная воля „фанатизма” в борьбе против абстиненции и ее сторонников. Если абстиненты добровольно отказываются от сомнительного и воображаемого наслаждения и о своем деле – именно отречении от спиртных напитков – позволяют себе такое суждение, которое обследовано и теоретически и практически, чего профессор Гарнак о себе, вероятно, сказать не может, то можно ли поэтому их суждение называть „субъективно” окрашенным, тенденциозным и пристрастным?

Но как же, в каком отношении мы – противники алкоголя - стоим к „библейскому вопросу о вине”? Этот вопрос, в сущности, в нашем движении играет совершенно второстепенную роль - мы должны это всегда строго и резко подчеркивать. Мы избегаем, насколько возможно, входить в обстоятельное его обсуждение, так как он – у нас, по крайней мере, – окончательно еще не решен и потому способен прежде всего возбуждать бесполезные споры и брань. Но так как со стороны чаще всего духовных, а иногда, как в настоящем случае, и мирян, очень часто с большим или меньшим искусством пускается в ход против нас и Библия и так как многие из этих противников думают сразить нас одним только указанием на брак в Кане Галилейской, то по сей причине мы вынуждены бываем чаще, чем это было бы нам желательно, возвращаться к этому вопросу и занимать в отношении его определенную позицию.

Взгляд профессора Гарнака, несмотря на его громкое и докторальное предисловие, следует назвать неправильным, не выдерживающим критики и совсем необоснованным. Произнося свое суждение об этом предмете, он совершенно не занялся изучением посвященной этому предмету литературы, произведения которой нельзя назвать наивными, натянутыми и ненаучными, так как значительная часть их принадлежит перу выдающихся богословских и философских светил. К тому же ему не достает, как сам он сознается, знания еврейского языка.

Конечно, чрезвычайно легко и удобно делать нападение на борцов трезвости, якобы поддающихся великому самообману, когда совсем не знают и не могут хорошо себе объяснить того, что, собственно, они утверждают, когда вместо того, чтобы опровергнуть и доказать, набрасывают только на их мнения ложный свет и потом подвергают их осмеянию как невежд и наивных людей и нравственно унижают их. Но при этом нельзя от души не пожелать, что такая софистика, которая не может претендовать на строгую научность, могла, однако ж, найти место в сборнике, изданном по случаю двухсотлетнего юбилея Галльского университета. Такое сочинение, конечно, всегда может производить

впечатление на закоснелых врагов воздержания (темперенция) и таким путем очень удобно и выгодно апеллировать к такого рода людям.

Но все здание профессора Гарнака тотчас же падает, как карточный дом, как только коснешься одного пункта - „библейского винного вопроса”, и именно следующего: где и в какой мере в Библии под словом „вино” следует подразумевать перебродивший алкогольный и где неперебродивший, свободный от алкоголя виноградный сок?

Это такого рода пункт, который, если хотят спорить, прежде всего должен бы быть приведен в ясность, но профессор Гарнак этого пункта даже и не касается, что в высшей степени является странным, хотя, может быть, для противников воздержания и выгодным. Может быть, этот вопрос, по его мнению, несуществен и не заключает в себе никакой важности? Но по тщательном и добросовестном исследовании он не мог бы сказать этого, так как об этом, как замечено, написаны знатоками дела целые тома. Кроме того, вопрос этот настолько выпуклый вопрос, что на него только тогда не наталкиваются, когда намеренно его обходят. Трудно поэтому понять, делается ли это по неведению или же предубеждение и пристрастие может так сильно затемнять взгляд человека?

Неоспоримо то, что иудейский народ в смысле напитка употреблял как перебродивший, так и неперебродивший виноградный сок, было ли это питательное или только вкусовое средство, и очень вероятно, что под неперебродившим вином разумелся не один только свежий сок из ягод виноградных, но что евреи так же хорошо, как и другие народы, умели этот неперебродивший грозд предохранять от брожения и на долгое время сохранять его неперебродившим. В этом отношении заслуживает особенного внимания следующее изречение доктора Адлера, английского обер-раввина ортодоксальных Иудеев: „Я не знаю ни одного авторитета, - говорит он, - который ограничивал бы употребление слова „вино” только вином перебродившим”. Но признать новым авторитетом в этой области профессора фармакологии и физиологической химии доктора Гарнака мы не имеем ни малейшего основания.

Рассмотрим теперь этот вопрос в приложении к сказанному в Библии.

I.

Из Библии известно нам, что Ной возделывал виноградник, выпил перебродившего вина и подвергся опьянению. В этом состоянии он подал своему сыну Хаму повод ко греху, даже послужил причиною его, и проклятие этого греха пало на главу не только самого Хама, но и на детей и внуков его. Это — разительный пример того, что за грех предающихся алкоголю отцов наказываются и их потомки. Зерно неизлечимой телесной и духовной порчи чрез более или менее развитую склонность и привычку к пьянству родителей переходит по наследству и в их потомство. В этом смысле здесь было бы очень кстати поговорить именно о наследственном грехе, который означает то же, что медицинская наука называет „наследственным недугом”, но это завело бы нас очень далеко и потребовало бы много времени.

Далее следует указать на пример Лота и на тот способ, каким дочери соблазнили отца своего на грех. Здесь вино перебродившее показывает себя соблазнителем и обманщиком, разжигателем низменных страстей, виновником нецеломудрия и кровосмешения; с того времени оно тысячи и миллионы людей привело к падению,

лишило чести и во все времена показывало себя самым злейшим и опаснейшим врагом доброй нравственности и благоповедения.

Сильное царствование Саула и мудрое управление Давида сделали израильский народ великим и могущественным. Но во времена царей вино было причиной нравственного расслабления, греха и порока. Довольно указать на Аммона, Авесалома и сестер его. Исходя из этой точки зрения, не трудно понять, почему Давид представляет гнев и наказание Всемогущего в образе сосуда в руке Иеговы, наполненного кипящим опьяняющим напитком. Он напояет из этого сосуда живущих на земле, и скорбь и ужас является последствием этого.

Ибо чаша, говорится в 74-м псалме ст. 9, в руке Господа, вино кипит в ней, полное смешения, и Он наливает из нее. Даже дрожжи ее будут выжимать и пить все нечестивые земли.

Здесь перебродившее, опьяняющее вино характеризуется прямо и решительно, как средство суда и наказания.

Какое место занимает по отношению к вину мудрый Соломон, это видим мы в 3-м стихе 2-ой главы Екклесиаста, где он говорит: *Вздумал я в сердце моем усладить вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей.*

То, что мудрый Соломон считает необходимым, чтобы составить себе беспристрастное понятие о том, что составляет благо для человека, и чтобы постигнуть, что такое глупость, это должно быть рекомендуемо еще и сегодня (и может быть сегодня в особенности) тем, которые призваны и воображают себя призванными быть вождями и учителями. Но особенно необходимо рекомендовать это, как уже замечено, таким людям, которые задаются целью писать по алкогольному вопросу. Подтверждение этого мы находим в 20-й главе 1-м стихе Притчей Соломона, где говорится: *Вино — глумливо, сахара — буйна; и всякий, увлекающейся ими, неразумен.*

Совершенно ясное и определенное предостережение невоздержным и пьяницам делается и в 31-м—33-м стихах 23-ей главы Притчей Соломона: *Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит и ужалит, как аспид; глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное.*

Неоспоримо, что во всех приведенных местах Священное Писание осуждает вино, коль скоро оно обнаруживает свое опьяняющее свойство. Это мы должны крепко и твердо запомнить.

Эти предостережения делаются настолько сильно, настолько строго и вразумительно, что каждый, кто хочет основываться на слове и духе Священного Писания, не может не убедиться, что здесь хмель и опьянение от первой, самой слабой его стадии и до пьянства противны Священному Писанию. Итак - *не смотри на вино.*

Но это ветхозаветное увещание удивительно гармонирует с позднейшими и новейшими исследованиями науки. Этой последнею доказано, что уже и незначительной

дозы вина, постоянно употребляемой, достаточно для того, чтобы ослабить тончайшие и нежнейшие части нашего мозга, чтобы отуманить ясную способность рассудка – этого высшего Божия дара, который возвышает нас над всеми другими творениями. Сюда относятся и такие, например, количества вина, которые признаются нормальными, очень „умеренными” и позволительными как в нравственном, так и в общественном и гигиеническом отношении. Даже и такие „умеренные” порции, которые часто позволяют как „укрепляющие и оживляющие”, действуют, как это с достоверностью доказано, разрушающим образом на душевные и телесные функции и силы. И это происходит – чего не следует никогда забывать – таким образом, что подвергающийся этому губительному яду, нисколько этого не замечает и не чувствует. Напротив, он воображает себя более способным к деятельности и более продуктивным. Но отсюда это действие тем опаснее и хуже, и потому-то вино для очень многих является западнею или сетью.

Это ясно и неопровержимо доказывает своими экспериментами беспристрастная, свободная от предубеждения наука, которая, следовательно, является вполне согласно с предостережением Соломона. Абстиненты поступают по его слову: *не смотри на вино!* С этой точки зрения Гарнак не можете разубедить нас ни соображениями разума, ни ссылками на Библию.

Но прежде чем говорить вообще об отношении Библии вину, рассмотрим поближе вопрос о том, когда и где следует в Библии под словом „вино” разуметь перебродивший, опьяняющий напиток и когда и где неперебродивший виноградный сок.

В предыдущих случаях мы имели дело с перебродившим алкогольным вином; но несомненно верно, что в те времена обыкновенно употребляли, как напиток, и неперебродившее вино и очень высоко последнее ценили; это видно из истории Иосифа в темнице (Быт. 40, 11). Здесь в рассказе виночерпия говорится: *и чаша фараонова в руке у меня; я взял ягод, выжал их в чашу фараонову и подал чашу в руку фараону.*

Иосиф же растолковал ему этот сон следующим образом: *через три дня фараон вознесет главу твою и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараону в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием* (Быт. 40, 13).

Ясно, что здесь речь идет о неперебродившем, безалкогольном виноградном соке; таковой, следовательно, пили за столом египетских царей. Ориенталист профессор Розенмюллер выводит отсюда такое заключение, что за столом египетских царей дозволяемо было пить не другое какое-либо вино, как только неперебродившее; что это было правилом, обычаем, в этом можно убедиться из прибавки: *по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием.* Равным образом и иудейский писатель Иосиф Флавий, который делает упоминание о сене, снова опять называет этот сок из ягод вином.

Еще большую уверенность в употреблении евреями неперебродившего вина как напитка дает нам повествование о празднике Пасхи. При учреждении ее нет речи ни о каком питье, но прямо говорится: *семь дней не должно быть закваски в домах ваших, ибо кто будет есть квасное, душа та истреблена будет из общества сынов Израилевых, пришлец ли то, или природный житель земли той* (Исх. 12, ст. 19).

И далее говорится: *Не ешь с нею [с Пасхою] квасного; семь дней ешь с нею опресноки, хлебы бедствия.* (Втор. 16, ст. 3)

К этому английский профессор Стюарт делает такое примечание, что слово „есть” в Библии в очень многих случаях употребляется для обозначения всякого вкушения за обедом, вкушения не одной только пищи, но и питья. Слово есть, по нему, значит „вкушать”, „употреблять”, „наслаждаться”. В этом же смысле оно всегда было понимаемо и истолковываемо и раввинами, и можно привести множество свидетельств на то, что впоследствии ортодоксальные иудеи во время этого праздника далеко держали себя не только от тех яств, но и от тех напитков, которые подвергались процессу брожения. Смотри соч. Мейера „Иудеи, их обряды и церемонии”, где говорится: „в течении всей Пасхи не позволялось употреблять ни квасных яств, ни перебродивших напитков, согласно библейским предписаниям”. Сличи Исх. 12, 15, 19-20. Втор. гл. 16, 3-4. Нет нужды подкреплять справедливость сказанного дальнейшими свидетельствами раввинов, так как уже здравый человеческий разум может подсказать, что неразумно и нелепо было бы запрещать осквернение чрез брожение в пище и в тоже время позволять его в питии.

Если мы крепко запомним это и воспроизведем при этом еще слова Христа при установлении Евхаристии: *отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царствие Отца Моего*” (Мф. 26, 29), и совершенно согласные с этим слова: *Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божием*” (Мк. 14, 25), - то вышеприведенное толкование, говорящее о том, что здесь идет речь о натуральном соке виноградных ягод, едва ли может показаться натянутым и сомнительным. Этот не подвергшийся брожению сок, есть тот плод виноградный, о коем говорит Спаситель. Напротив же, перебродивший алкогольный напиток есть не натуральный уже продукт, но искусственный, – продукт дрожжевого грибка и изобретательности человека. Фарисеи того времени, называвшие Христа винопийцею (Мф. 11, 19), не называли ли Его также и богохульником (Ин. 10, 33)? Хотя ни откуда не видно, что Христос пил то, что теперь обыкновенно называют вином, однако многие из фарисеев и нашего времени желают пользоваться Им для прикрытия своей собственной слабости. С этою, конечно, целью стараются иные установить „винную заповедь” – то есть заповедь употреблять именно алкогольное, опьяняющее вино, якобы данную Христом, которой Он однако ж, никогда не давал.

Так как мы находим в Библии очень много таких мест, где вино прославляется как дар Божий и ставится на одну ступень с хлебом и маслом, то из этого уже мы должны заключить, что оно было понимаемо не как только вкусовое средство, но и как необходимое средство питания. Но далее мы знаем, что не подвергшийся брожению сок виноградный действительно близко подходит по его питательному достоинству к молоку (особенно к молоку матери); наконец, знаем мы и то, что сахар, который представляет главную питательную ценность, вследствие брожения, вследствие деятельности грибка большею частью превращается в алкоголь и углекислоту, от чего питательное свойство виноградного сока существенно уменьшается и даже совсем уничтожается. Это верно наблюдали и отмечали и в то время, и сам профессор Гарнак приводит косвенное на это доказательство – Книгу пророка Захарии 9 главу, стих 17, где вино восхваляется за то, что оно одушевляет язык отроковицам.

С другой стороны, нам известно, что алкогольное вино „погубило многих людей”, и употребление опьяняющих напитков сопровождалось пьянством, безнравственностью и распутством, так что за это налагаемы были тяжелые наказания не только на отдельных лиц, но и на целые города, и даже на весь народ. Не становится ли отсюда совершенно ясным и естественным то, что в Апокалипсисе, с одной стороны, говорится, что вино и масло не причиняет никакой беды, а с другой идет речь о вине распутства, вине гнева Божия? Не становится ли совершенно понятным, что эта разница заключается в двойкой природе вина? Это ясно видим мы и на опыте; вполне подтверждает в свою очередь и наука, что возникший чрез брожение алкоголь есть наркотический яд и что при строении нашего организма природою он совсем не предусмотрен. Хотя в известных случаях и при известных обстоятельствах он и употребляется как возбуждающее средство без большого вреда и, по-видимому, с благоприятными последствиями, однако неоспоримо верно то, что, употребляемый по привычке и постоянно, он не приносит никакой действительной пользы, а один только вред, так что тот лучше всего поступает, кто совершенно воздерживается от спиртных напитков. Об этом свидетельствуют иногда даже и те, которые прежде сами были противниками воздержания. Наконец, употребление этого наркотика, как достоверно доказано, всюду и у всех народов приводило к неумеренности, и целые народы погибли от алкоголя, добываемого посредством брожения, а теперь этот алкоголизм везде и всюду сделался повальною чумою, эпидемиею.

Что же удивительного в том, что люди, верующие в божественный авторитет Библии, спрашивают: может ли Премудрый и всеведущий Бог, слово Которого есть Библия, на самом деле восхвалять и рекомендовать напиток, который играет такую печальную роль в жизни народов, который именно (а у простого народа это замечается в особенности) разжигает низменные инстинкты и который, как говорит Гарнак, убивает чувство стыдливости и таким образом прямо и непрямо усиливает половой инстинкт? Насколько это согласно с Его премудростью? И может ли Он, в одно и то же время, один и тот же предмет и одобрять и хвалить, и осуждать и даже проклипать?

Не понятно ли, а для верующего в Библию христианина не понятно ли это само собою, если сказать так: слово Божие, учение которого есть самое высокое и наилучшее и которое строго и решительно осуждает все дурное, не может один и тот же напиток в одном месте хвалить, а в другом проклипать, - и это кажущееся противоречие объясняется совершенно просто и натурально двойкою природою непребродившего и безалкогольного и пребродившего алкогольного вина? Мы имеем дело здесь в одном случае с даром Божиим как чистым произведением природы, а в другом с вином, в коем совершился процесс брожения, которое есть „продукт искусства” человека или, если можно так назвать, процесс ухудшения.

Таково идеальное понимание Библии; диаволу, о котором говорить Гарнак, как видите, нет здесь места. И православный священник, который объясняет Библию как чистое слово Божие смело может стоять на этой точке зрения в полной надежде, что такие неумные слова, каковы слова Гарнака, никогда не собьют в своей позиции твердо верующих в Библию христиан и абстинентов.

Далее, совершенно оставляя в стороне религиозную основу, надо исследовать и рассмотреть „библейский алкогольный вопрос” на основании филологического значения употребляемых в Библии для обозначения вина терминов.

Но здесь могут иметь авторитет только „ученые” специалисты-лингвисты, к числу которых профессор Гарнак, как не знающий еврейского языка, не может быть отнесен. Его помощником и советником, конечно, был профессор Кауч, но занимался ли этот последний обстоятельным изучением „библейского алкогольного вопроса” – это, судя по содержанию его сочинения, представляется сомнительным. Автор этой критической заметки точно также не сведущ в еврейском языке, но к его услугам являются выводы основательного исследования одного сведущего в еврейском языке, очень осторожного сотоварища и сподборника, который подверг Библию в этом направлении обстоятельному изучению, а сверх того, автор проштудировал большую часть английских сочинений, в которых о вопросе трактуется с точки зрения науки, почему хотелось бы осветить его и с этой стороны. Это и постараемся мы сделать, елико возможно, короче.

Профессор Гарнак озаглавливает свое произведение: „Библия и алкогольные напитки”. Он трактует преимущественно о вине. Ему сначала необходимо нужно бы доказать, что все то, что у евреев называлось вином, было все без изъятия напитком алкогольного свойства, но он это, как сказано выше, обошел совершенным молчанием; это фальшиво не только по смыслу и духу Писания, но и по буквальному смыслу слова.

Здесь ближайшим образом дело идет о еврейском слове *iajip*, которое в Библии встречается 140 раз и которое означает виноградное вино. *Iajip*'ом был опьянен Ной, *jaip* веселит сердце человека и об *jaip* говорится у Исаии (16, 10): *Исчезло с плодоносной земли веселье и ликование, и в виноградниках не поют, не ликуют; виноградарь не топчет винограда в точилах: Я прекратил ликованье.*

Точно также говорится и у Иеремии (48, 33): *Радость и веселие отнято от Кармила и земли Моава. Я положу конец вину в точилах; не будут более топтать в них с песнями; будет крик брани, а не крик радости.*

Вытекает ли отсюда, что *Iajip*, то есть вино, всегда в Библии обозначает перебродивший напиток? - Нет! Напротив; *jaip* в Библии есть *генерическое* выражение (родовое понятие) для обозначения виноградных ягод и виноградного вина, перебродившего и не перебродившего, алкогольного и неалкогольного, опьяняющего и неопьяняющего.

Вместе с словом „мост” обыкновенно всегда повторяется слово „тирош”; это последнее слово мы встречаем в Библии 40 раз. Тирош очень часто ставится на равне с зерновым хлебом и маслом (собственно оливковым маслом) и восхваляется как благодатная вещь. Единственное исключение отсюда составляет 11-й стих 4-ой главы Осии, где говорится: *блуд, вино (тирош) и напитки завладели сердцем их.* Однако здесь, может быть, указывается на то, что образ жизни, который служит только удовлетворению естественных животных влечений, отдаляет сердца людские от Бога, а может быть, и на опьяняющее действие «моста» при наступлении брожения. – Кто может это доказать?

Из этого сопоставления с хлебом и маслом и из мест Втор. 11, 14; Ис. 65, 8 и в особенности Мих.6, 15 (*будешь сеять, а жать не будешь; будешь давить оливки, и не будешь умащаться елеем; выжмешь виноградный сок, а вина пить не будешь*), ясно видно, что „тирош” близко стоит к виноградному грозду и к человеческому питанию именно в таком же стоит отношении, как и хлебное зерно. Он некоторым образом обозначает сырой, невыделанный продукт. Но так как теперь *jaip* часто стоит в связи с

хлебом, то, с другой стороны, возможно заключить, что этим словом обозначается и часть винограда, готовая совсем для употребления. Он мог быть перебродившим и неперебродившим, мог быть даже просто виноградной кистью, гроздом.

Что же касается того, что слово: *jajin* (и это есть то вино, которое главным образом имеется в виду при обсуждении этого вопроса), необходимо должно иметь по нынешнему понятию значение перебродившего и потому алкогольного напитка, этого Гарнак никак и никогда не докажет. Но он исходит из этой, во всяком случае недоказанной, и – мы с уверенностью утверждаем это — совершенно ложной посылки, а потому и приходит также к недоказанным, а, следовательно, совершенно неосновательным, ничего нестоящим результатам. Этим я мог бы и закончить это дело, как уже достаточно выясненное справками, но мне хочется прибавить еще кое-что к обоснованию моего только что изложенного мнения.

Еврейское слово *сикера* встречается в Библии 23 раза и всегда переводится словами „крепкий напиток” и „крепкое питье”. Слово же *сикера* («*checar*»), как доказано, есть тоже, что сахар (на персидском „*sucar*” или „*chacar*”, на турецком „*checer*” или „*sucer*”, по исследованию доктора Норманна Керр) и первоначально обозначало жидкости, обильные сахаром. И профессор Гарнак говорит: „Не может подлежать никакому сомнению, что эти *сикеры* производимы были и из других плодовых соков (фиников, смоквы, изюма, гранат) и отчасти из меда”. Позже под ним всегда единодушно подразумевали опьяняющий напиток. Но нельзя без сомнения принять, что этот крепкий напиток равнялся по крепости нашему рому или водке, которые содержат в себе от 30%, до 50% алкоголя. Более высокому содержанию сахара соответствует, конечно, и более высокое содержание алкоголя, но только до известной границы, и нужно иметь в виду, что на этом пути брожения алкогольное содержание не может достигать выше 16%. Более же высокого искусства дистилляции в то время еще не знали – оно было изобретено чрез восемьсот лет по Рождестве Христовом.

Против опьяняющего напитка - „*сикеры*” Священное Писание высказывается очень строго; оно нигде не прославляет и не благословляет его, а напротив, провозглашает горе тем, которые употребляют этот напиток. *Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином (Ис. 5, 11)*". Или: *Горе тем, которые храбры пить вино и сильны готовить крепкий напиток. (Ис. 5, 22)*. То же читаем мы и в 28 главе в 7 стихе у того же пророка. Почему же это финиковое или пальмовое вино так строго осуждается в сравнении с виноградным вином и мостом? Ужели оно не было также даром Божиим потому только, что на два-три процента более заключало в себе алкоголя, чем те? Не необходимо ли всякому беспристрастному судии и исследователю прийти здесь к другому толкованию и заключению? Не должен ли он скорее сказать: потому Священное Писание так строго предостерегает от *сикеры*, что она — опьяняющий напиток? А отсюда следует, что в тех случаях, где делается предостережение и в отношении *jajin*, там точно также разумеется опьяняющий напиток.

Слово *otuos* в Новом Завете повторяется 32 раза. Не только на основании Библии, но и на основании древних писателей твердо и уверенно можно сказать, что мы и здесь имеем дело с генерическим словом, которое обозначает как перебродившее, так и неперебродившее вино.

Но с достоверностью, далее, установлено, хотя это многим теперь кажется не совсем вероятным, что неперебродивший виноградный сок и виноградный грозд у древних народов играл важную роль как питательное средство и полезный напиток. Кто желает прочесть об этом подробнее, тому можно рекомендовать труд доктора Норманна Керра „Wines Scriptural ad ecclesiastical”. Здесь, правда, в этом направлении делаются только намеки, но из них можно видеть, что этот вопрос стоит основательного труда и что тогда получится, вероятно, совершенно другой результат, а не тот, к которому пришел профессор Гарнак, не взяв на себя труда сделать в этом направлении надлежащее научное исследование.

В те времена, когда жили пророки и апостолы, знали различные способы предохранять виноградный сок или „мост” от брожения. Это достигалось посредством кипячения, охлаждения и недопущения воздуха масляным слоем или другою плотною закупоркою, а также путем сгущения сока при помощи огня, и, вероятно, при помощи и антисептических (предохраняющих от гниения) средств, серы и т. д. Этим путем предотвращалось разлагающее действие грибка — брожения, так что он не мог уже лишить его питательного свойства и превращать в опьяняющий алкоголь.

Нет совершенно никакого основания предполагать, что евреям эти способы, которые были употребляемы у других народов, имевших с ними соприкосновение, оставались неизвестными или что они менее имели заботы о производстве вина, чем те. Как же называли евреи, как называет обыкновенно это вино Библия? Словом „*jaḥin*”.

По крайней мере, древние писатели называли его „вино”. Аристотель (см. *Meteorologica* IV, 9) о „сладком вине” тогдашнего времени говорит, что оно было неопьяняющее.

Подобное говорит и Атеней (*Banquet* II, 24). Сверх того, Аристотель (*Meteorologica* IV, 10) говорил о вине Аркадии; оно было так густо, что его нужно было извлекать из бурдюков, в коих оно хранилось и потом разжижать в воде. Едва ли нужно доказывать, что так уварить и довести до такого киселеобразного состояния возможно только неперебродивший сок. Нельзя не отметить здесь еще и того, что говорит известнейший ориенталист и библейский критик Гезений о том „меде”, который посылал Иаков Иосифу, именно: он говорит, что этот мед есть вино, уваренное до густоты сиропа. В правильности этого сообщения едва ли можно сомневаться, так как Гезений был в числе ученых авторитетов первого ранга.

Плиний сообщает об испанском вине, которое не возбуждает, не шипит, не ослабляет силы и не производит опьянения. — Колумелла равным образом говорит о неопьяняющем хорошем вине „*inerticula... boni vini*”. Затем обращает на себя внимание „*vinum costum*”, о котором говорит Августин; далее: „*sapa vini*”, о коем свидетельствуете Диоскорид. Последнее вино есть не что иное, как виноградный сок, сгущенный иногда на треть, иногда наполовину, а иногда и на две трети.

Если же, невзирая на это, иные предполагают, что виноград у евреев главным образом был употребляем на приготовление алкогольного вина, то и на это до сих пор также не было достаточных доказательств. Конечно, в настоящее время, когда алкоголь, чуть не во всем мире, как просвещенном, так и непросвещенном, совершил свой победоносный поход, теперь, конечно, алкогольное вино играет такую роль, что многие

думают - и желают, чтобы и другие так думали, - что это так было и всегда. Но против этого говорит многое. Если Гомер и Гиппократ сообщают, что вино разжижаемо было прибавлением 20-25% воды, то это позволяет заключить и по отношению к виноградному сиропу, и так как древние греки, как нам известно, обыкновенно вино свое мешали с водою, то подобное заключение является весьма вероятным. Это совершенно не исключает употребления разбавленного водою алкогольного вина.

Но и из древних и новейших рассказов путешественников знаем мы, что на востоке вино служило, а отчасти и теперь еще служит, важным питательным средством и притом в различных видах, однако - именно неперебродившее.

Тавернир („Pers. Trav.“) рассказывает о стране между Тавром и Тигром, что там каждый обитатель имеет в своем винограднике особое место, где он сушит виноградные кисти, „так как они - говорит он, - не производят никакого вина“. Англичанин Вальполь рассказывает о Малой Азии (Memoirs Лондон 1817 г.): „Виноградники здесь не культивируются для того, чтобы выделывать вино. Виноградные ягоды съедаются, как зрелые фрукты и как изюм, или же из них делается сироп. Виноград в изобилии растет в Роззете, но в Египте вообще очень немного приготавливают вина... Очень много родится винограду в окрестностях Антиохии, но он употребляется здесь в пищу, или засушивается в изюм (R. Valpole Travels, London 1820 г.)“.

Нибур (Travels Arab. ed. 1792 г.) говорит об одной местности в Аравии: „Здесь есть более 20 разных сортов винограда, и так как он созревает не в одно и то же время, то составляет чудное освежающее средство в течение целых месяцев. Арабы сохраняют виноградные кисти, развешивая их в погребах, и едят их почти в течение целого года“.

Есть свидетельства и из позднейшего времени, что неперебродившее вино у некоторых народов играло выдающуюся роль, так что они во всякое время могли доставать и пользоваться виноградным соком и это происходило именно в тех странах, где жили израильтяне, а затем и первенствующие христиане.

Даже и в наше время, несмотря на господствующую силу алкоголя, еще не потерял вкус в отношении этого предмета; мы видим это из Страсбургской газеты: «Burger Zeitung», которая в 1893 году писала: „В наших виноградных местах умеют из сока благородных ягод приготавливать специальные изделия, относительно которых нельзя не пожалеть, что они до сих пор не получили широкой известности в торговле. Мы разумеем здесь, между прочим, прекрасный напиток под названием „штрохвейна“. Штрохвейн представляет собою такой напиток, который употребляется только во время болезни или только в каких-нибудь чрезвычайных, из ряда выдающихся обстоятельствах. К подобного же рода напиткам относится и так называемый „винимес“. Способ приготовления его следующий: сладкое вино, прежде чем оно вступило в процесс брожения, держат в течении 24-х часов в состоянии непрерывного кипения. Чем более вино кипятят, тем оно становится гуще. Качество и количество его всецело зависят от этого обстоятельства. На пятьдесят литров вина, которое вливается в котел, получается средним числом только пять литров „винимеса“. Варка вина требует в своей последней стадии большой бдительности, чтобы не дать ему пригореть. Винимес в своем нормальном состоянии необыкновенно похож на ликер и имеет пикантный кисловато-сладкий вкус».

Это нормальное состояние винимеса, как явствует из способа приготовления, есть непребродившее, следовательно, свободное от алкоголя.

С 1893-го года в этом направлении сделано кое-что еще новое. Как только начала обращать на себя внимание абстиненция, тотчас же и индустрия взялась за извлечение из этого своих выгод. Сперва стали сохранять свежим виноградный сок с помощью салицилы, а потом профессор Мюллер-Тургау опубликовал свой метод посредством согревания свежего сока – очень простым способом: разрушать дрожжевую клеточку, после чего получается такой виноградный сок, который носит название безалкогольного вина. В последние годы возникло большое количество фабрик, которые производят такое вино.

Не странно ли после этого то, что в наше алкогольное время все-таки считают натянутым и неверным то воззрение, что „библейское вино” нельзя без изъятия понимать как алкогольный напиток, а что оно на самом деле было сохраняемо как „плод лозный”, как виноградные ягоды, как свежий или сваренный сок, или в другом каком-нибудь безалкогольном виде и служило важным и весьма употребительным средством питания. Но для всякого, кто сколько-нибудь занимался алкогольным вопросом вообще и „библейским винным” в частности, удивительнее всего то, что такая работа, как рассматриваемый труд профессора Гарнака, могла найти себе место в юбилейном издании факультета как бы некоторым образом научное произведение. Ужели Гарнак, как профессор фармакологии и химии, не нашел никакого благоприятного повода воспеть хвалебную песнь алкоголю в своей собственной области? Или, может быть, он боялся попасть в контакт с более сильными его товарищами, стоящими за трезвость и совершенное отречение от алкогольных напитков? А может быть, он увлекся мыслью, что громкое титло профессора и доктора обеспечит ему авторитет и в чуждой ему области Библии? Совершенно ошибочный расчет!

II

Все вышеизложенные, научно очень плохо обоснованные соображения и утверждения профессора Гарнака касаются только, как замечено, одной части целого вопроса. Но следует при обсуждении его принять во внимание и другие более существенные и важные точки отправления, а именно те, которые ветхозаветное отречение от вина и сикеры представляют в другом свете, чем в каком представляет его профессор Гарнак. Вместе с тем это освещение переносит нас к нынешнему стремлению к воздержанию, к его оправданию и даже необходимости. „Посвященные Господу” еще давно заходили так далеко, что избегали вообще всякого плода лозного, следовательно, „возводили воздержание на самую высокую степень”. Может быть, это объясняется строгим законом относительно употребления в пищу „чистого” и „нечистого”. Избежать нечистого наверное можно было не иначе, как только путем строгого и полного воздержания. Брожение в вине происходило не так, как в хлебе, не чрез прибавление кислого квашеного теста, но наступало некоторым образом само собою. Это могло происходить в тех случаях, когда виноградные ягоды были перезрелые. Может быть, и из других оснований в этом случае считали за самое лучшее употреблять „частую воду”.

Профессор Гарнак в отношении посвятивших себя Богу назореев и той заповеди Моисеева закона, по которой священники не должны были вкушать никакого вина, когда они входят в скинию собрания, говорит следующее. „Итак в том запрещении заключается признание того факта, что известные условия могут требовать воздержания от употребления вина, так как от злоупотребления им могут происходить для человека вредные последствия”. Таким образом Гарнак, упрекающий проповедников воздержания (абстиненции) в том, что они ссылаются на Библию, предаются сильному самообману, здесь сам выводит на сцену Библию и при этом еще ветхозаветные предписания о воздержании от употребления вина при известных обстоятельствах. Он говорит: „От злоупотребления вином могут происходить для человека вредные последствия”. Хотя не много найдется людей, коим неизвестны такие последствия, однако профессор Гарнак здесь понимает таких только людей, которые имеют наклонность, предрасположение к злоупотреблению, к многопитию. Здесь дело идет, собственно, о священниках и „посвятивших себя Богу”. Кроме того, основание, по которому священникам в Ветхом Завете запрещалось пить вино, ясно выражено в книге Левит (10, 9-10): *Это вечное постановление в роды ваши, чтобы вы могли отличать священное от неосвященного и нечистое от чистого*”.

Так как алкоголь, как сказано выше, ослабляет и отуманивает самые тонкие движения и чувствования, а иногда рассеивает и то тяжелое душевное настроение, которое называют „божественным голосом внутри нас” - совестью, то нужно избегать его не ради только того действия, которое происходит от злоупотребления, но и ради всякого простого действия, производимого и умеренным употреблением.

У назореев требование воздержания иногда начиналось уже от чрева матери, и это последнее требование совершенно основательно и резонно. Известно, что алкоголь производит наследственную порчу и что не только неумеренно, но и умеренно пьющие действуют вырождающим образом на свое будущее потомство, - основание достаточное для того, чтобы благочестивой матери назорея Сампсона, по зачатию ею посвященного Богу, было воспрещено Ангелом пить вино (Суд. 13, 4).

Почему же не делают вытекающего отсюда полезного применения? Древние греки ставили в женских покоях (гинекеях) красивые фигуры и статуи, конечно, для того, чтобы совершенные формы их производили облагораживающее действие на будущее поколение. А в настоящее время наши матери, напротив, чаще всего смотрят на рестораны, винные погреба и пивные лавки, как на такие места, которые „облагораживающим и возвышающим” образом действуют на тело и душу. Что же поэтому удивительного, если у нас нарождается уже трактирное алкогольное поколение?

Сампсон с детства не пил никакого вина и сделался героем израильского народа. В настоящее же время выращивают баварским пивом и токайским вином такое поколение, которое уже некоторым образом обречено на употребление алкоголя, и лучшие из людей этого поколения проявляют свое геройство чаще всего за пивным столом и чувствуют себя крепкими, веселыми и свободными только при помощи глотка или только после стакана водки.

Впрочем, мы уже сказали, и снова и решительно подтверждаем, что даже профессор Гарнак назорейству настоящего времени, вопреки первоначальному крайне резкому отрицанию, находит, однако же, некоторое оправдание, ссылаясь на Библию.

Но новейшие назорей обыкновенно обосновывают свою правоту не на этой ссылке - следовательно, большого практического значения она (ссылка) для нас не имеет.

Нет, если христиане бывают вынуждены опираться на Библию, то они делают это другим способом, именно: они тогда ставят тот же самый вопрос, который приводит и Гарнак в предисловии: „Как, прежде всего, относится Христос, как относятся к этому вопросу апостолы?”

Но отношение Христа к вину уже было указано, а потому мы здесь прибавим к этому очень немного. Профессор Гарнак пишет: „Закроем глаза и не будем указывать и на характерный рассказ Евангелия Иоанна о чуде, совершенном Христом на браке в Кане Галилейской”. Очень великодушно! Но ведь в других случаях этим местом особенно любят пользоваться прямо против нас, и есть немало умеренных и неумеренных людей, которые чаще всего ссылаются на это место Священного Писания.

Но что же знаем мы о том вине? Только то, что оно было „хорошее”, и довольно указать на двукратное повторение слова «хорошее» (Иоан. 2, 10), чтобы отразить всякое нападение. Для нас, следовательно, нет надобности закрывать глаза на этот рассказ! — „Установлением вечери пред своею смертью Христос возвысил вино с хлебом до самого высокого символа Христианской Церкви”, - говорит далее Гарнак. В других случаях обыкновенно считают этим высшим символом Крест. С другой стороны, символом Крови считается натуральная, ничем неоскверненная кровь виноградной лозы, как она сотворена Богом. Кто может это оспаривать? Но здесь уместно прямо заметить, что и всем, давшим обет воздержания, равно и сочленам самых строгих обществ трезвости, позволительно употреблять при Таинстве Причащения всякое вино.

Если, далее, Христос сравнивает Себя с лозою виноградною (Ин. 15, 1), то это с вопросом об алкогольных напитках не имеет ровно ничего общего. Но совершенно в другом свете является пред нами это сравнение, когда мы читаем то, что пишет доктор Павел Кассель в своей книге: „От Нила до Ганга”.

„Особенное значение имел, — говорит он, — во времена первого христианства у греческих азиатов культ Бахуса. Его отождествляли с Зевсом и Плутоном. Он был богом весны. Его мистерии, вакханалии были демоническими оковами для сердец народов, пока они, наконец, не пали пред словами Евангелия. В то время как тысячи христиан проливали кровь свою, потому что они не хотели принимать участие в вакханалиях, языческие учителя говорили своим слушателям, что когда они проповедают о Дионисе, как ум Зевса, то они должны обращаться к истинному разуму Бога...

Бахус же был почитаем в Антиохии и в Бейруте, как виновник культа весны, плодов и виноградных лоз; его называли сыном Зевса; в противоположность ему христиане проповедовали о Том, Который сказал о Себе: *Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой виноградарь.* (Иоан. 15, 1).

Если Кассель, делая такое объяснение, прав, а оно во всяком случае очень достопримечательно, то отношение апостола Павла к вину отнюдь не так дружелюбно и пристрастно, как это предполагает профессор Гарнак. Далее, всякому известно, что первенствующие христиане жили крайне просто и умеренно. Не говоря уже об особенных христианских подвижниках-аскетах, и всех вообще первых христиан ненавидели в

особенности за их учение, осуждающее мирские удовольствия (Цельс). Мы знаем, далее из Библии, что апостол Тимофей пил только одну воду - он, следовательно, был абстинент, и что исключительно только „ради слабого желудка” (стомаха) апостол Павел советовал ему пить вино (1 Тим. 5, 23). Но какое вино? Необходимо снова спросить здесь и вместе с тем объяснить, что мы против докторских врачебных предписаний в случае болезни, с нашей точки зрения, ничего не дозволяем себе возражать. Но кто из этого совета хочет сделать новое оружие против наших стремлений, чересчур высоко оценивая медицинские познания апостола, тот не в праве удивляться тому, что например американские содержатели рабов также ссылались на апостола Павла. Они говорили, что апостол Павел прямо одобрял рабство, когда он убежавшего раба Онисима возвратил своему господину (Послание к Филимону).

Но мы знаем, что уже тогда происходили споры из-за употребления вина вообще, без определения свойства этого вина. В богатых общинах стали обнаруживаться, вместе с утонченными нравами и обычаями дурные последствия употребления спиртных напитков. Скоро образовались два направления, которые пошли войной друг против друга. Дело шло о жертвенном мясе и вине. Поэтому, кто называет взгляд апостола Павла несвободными от предрассудка, предубежденным в смысле профессора Гарнака, тот поистине допускает неправду. Мы можем и в этом деле много поучиться у него, и он выражается правильно и корректно.

Павел — апостол язычников — вовсе не выдвигает на первый план того, что делает веселым. Где он выступает за христианскую свободу, которая стояла в противоречии со строгими законами о пище и другими ритуальными предписаниями, которых долго держались апостолы иудеев, там для него свобода вкушения несколько не составляла высшего закона, но им всегда руководили здесь другие основания, другие принципы, а эти последние имели корень в истинно христианском принципе самоотвержения ради блага других. Не во вкушении самом в себе здесь дело, не идоложертвенное мясо или вино сами по себе составляют вред, не то оскверняет человека, что входит в него, но нечто совершенно другое, чем вкушение, пища и питье, а именно: в 14-й главе послания к Римлянам, стих 21-й говорится: *Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается или соблазняется, или изнемогает*. Таким образом, суть дела заключается в том, к чему приводит пример, а потому-то апостол Павел так убедительно и предостерегает от злоупотребления не алкоголическими напитками — нет, а от злоупотребления христианской свободой. Вот на что преимущественно должны обратить внимание те, которые ссылаются против нас на апостола Павла, на учение его о том, как нужно пользоваться свободой!

Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли ничего, не теряем. Берегитесь однакож, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных”. (1 Кор. 8, 8).

Но как стоит дело в этом отношении в настоящее время? Все те, которые хмельные напитки употребляют как вкусовое средство, только для удовольствия, содействуют распространению этой вредной привычки между своими собратиями. Те, которые пьют умеренно, могут соблазнить более слабых своих собратий, увлечь к употреблению того, что хотя они-то сами и могут преодолеть, но что может оказаться выше сил слабых братьев и погубит их. Эта кажущаяся безопасность может подвергнуть их великой

опасности. Тысячи людей, которые умерли пьяницами, сделались таковыми потому, что в своей жизни подражали умеренно пьющим. В этом, а не в другом каком-нибудь смысле, следует понимать выражение и профессора Бунге: „умеренные суть соблазнитель”. Такие люди несут ответственность за принудительное питье, которое приводит очень многих к гибели.

Пусть эти „умеренные”, которые, идя против нас, базируются на своей христианской свободе, вспомнят, что говорит апостол Павел: *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого... Итак едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию.* (1 Коринф. 10, 23- 24, 31).

Да, апостол Павел идет еще далее и чтобы нас (абстинентов) не считали фанатиками, следует только указать на 1 Кор. 10,28, и тогда станет ясным, что мы, по примеру Апостола, не пьем вина потому, что это может соблазнить немощную братию нашу, как и он не ел „идоложертвенного” ради других, которые этим внушением могли бы соблазниться...

С другой стороны, эти увещания Апостола способствовали тому, что не менее 2500 священников государственной церкви в Англии и Валлисе живут абстинентами „ради немощных своих братьев”. Само собою, разумеется, что на это не существует никакой общеобязательной и положительной заповеди - для христианина не обязательно быть непременно абстинентом. Кто не видит всего того бедствия, которое происходит в настоящее время от алкоголя, кто с легкою душою может способствовать развитию господствующей страсти к винопитию, кого не угрызает совесть, когда он видит лежащего на пути в беспомощном состоянии своего собрата, замученного убийцей-алкоголем, и кто еще может ставить вопрос: кто мой ближний, - у того, конечно, нет никакого нравственного побуждения принимать самоличное участие в деле спасения ближнего от губительного алкоголизма. Но не все же, благодарение Богу, таковы! Есть люди и с другого рода совестью. Но последние необходимо должны путем доводов, на существе дела основанных, оказывать воздействие на совесть и решение первых. Если же дело идет о христианах, для которых Библия есть правило, руководство, то необходимо ли верующему в Библию абстиненту опираться на Библию? Существуют именно многие тысячи христиан, воздержание которых от алкогольных напитков свидетельствуют о том, что и они имеют ту христианскую свободу, которой учит апостол Павел. Они хотят именно завоевать свободу и разрушить тиранию привычки к пьянству, которая господствует в настоящее время и господствует именно так жестоко и деспотично, что каждого, кто не пьет алкогольных опьяняющих напитков, выдают за слабого, больного человека и странного чудака.

Вот тот взгляд на „Библию и алкогольные напитки”, который по преимуществу должен принадлежать библейски верующему христианину-абстиненту, но этим мы не хотим сказать того, что каждый абстинент непременно должен защищать этот взгляд. Это есть в лучшем смысле — „частное дело”.

Несмотря на то, что алкоголь есть злейший враг каждой истинной религии, иные думают привлечь, как видите, лучшую из всех религий (христианство) на свою сторону, чтобы одержать верх над нами и нашими стремлениями. Почему? Потому что смотрят на наше дело большею частью с известным предубеждением и без надлежащего

исследования и произносят о нем суд общими, недостаточно обоснованными фразами. Но наступит время — и наступает уже, когда все будет исследовано, и получатся, мы уверены, совсем другие результаты.

Ш.

Я не могу окончить своей заметки, не сделав хотя краткого упоминания о том, какое место занимает большая часть абстинентов по отношению к этому вопросу.

Библия написана для народа Божия; Христос и апостолы говорили так, как требовало то время, и во всяком случае так, чтобы народ мог понимать их. Алкоголизма в том виде, как он господствует сейчас, тогда не знали, как говорит об этом и Гарнак. Иудеи были и до настоящего времени остались народом трезвым и умеренным, и в этом по крайней мере отношении они не представляют из себя „страждущего народа”. И алкоголь также совсем не мог в те времена играть такой господствующей роли.

Только более совершенная техника нового времени довела алкогольную промышленность до полного развития. Только после тридцатилетней войны водка впервые пробила стены аптек и стала разливаться в народе, и только в последнее столетие научились курить водку из картофеля. Только со времени основания больших новейших спиртных фабрик и пивоваренных заводов вино стало производиться из всевозможных продуктов - только тогда алкогольный вопрос сделался особенно жгучим. Хотя никогда не оставляли этого вне внимания и всегда убеждали к умеренности, но, несмотря на это, этот поток все рос и увеличивался. Ужели можно надеяться, что такими мерами, какие рекомендует Гарнак, можно остановить и прекратить его? Какая польза от указания профессора Гарнака и других подобных проповедников на „нравственную силу”, которая должна якобы защитить человечество от этого врага, когда этот алкоголь отчасти уже уничтожил эту силу и продолжает это уничтожение и далее? Где найти теперь людей с такою крепостью сил, какими были наши предки? Не на кафедрах ли или не в студенческом ли мире? К чему эти нападки на сторонников абстиненции, когда история борьбы с алкоголем учит, что абстиненция доселе всюду показывала себя единственным действенным и пригодным средством против врага?

Поэтому многие говорят, если им на пути подкладывают соломинку „библейского алкогольного вопроса”, - на что, зачем в настоящее время этот библейский вопрос? Каждый человек и каждое произведение есть продукт своего времени и условий, они в более или менее определенной мере носят на себе отпечаток их. Это приложимо, без сомнения, без вреда божественному вдохновению и к Библии, как это постоянно и делают в различных случаях при ее толковании. Мужики Ветхого Завета говорили и писали совсем не так, как мужики Нового Завета, ибо народ во времена Моисея был не таков, как во времена Соломона и Христа. Если бывает одинакова форма выражения, то неодинаково большею частью содержание и смысл его, соответственно тогдашним местным и временным условиям и культурному состоянию. Так, например, в Новом Завете совсем отпали некоторые из требований закона Моисеева — я укажу здесь только на жертвы — между тем некоторые заповеди нравственного закона, соответственно развитию культуры, получили совершенно новое освещение, новый смысл и толкование, хотя нам и может казаться, что это стоит в противоречии с словами: *ни одна или не одна черта не преидет из закона* (Мф. 5, 18).

Христос - великий Учитель - Сам учит нас правильно толковать Священное Писание не по букве его, а по духу. В этом отношении Он резко расходился с современными Ему книжниками и фарисеями, между которыми, как известно, было много серьезно мыслящих и рассуждавших о том или другом предмете, но рабски приверженных к букве. И теперь равным образом многие стоят на буквальном смысле учения Христа вопреки Его воле и чрез это впадают по местам и по временам в превратное догматствование, которое во многих пунктах не отвечает современным условиям и потому, естественно, должно вызывать реакцию. Христианское учение, как религия жизни и развития, необходимо должно применяться к современному развитию человеческой культуры, и это очень хорошо может совершаться на почве Священного Писания. При этом необходимо только иметь в виду, что этот источник вечной истины неизменно предлагает нам только основные положения божественного учения и в такой именно форме, которая способна развиваться вместе с человеком, начиная от самого нашего состояния культуры до вершины ее совершенства. Что Христос не предусмотрел всех отдельных обстоятельств, это не должно смущать нас и сбивать с толку. Он имел в виду только великое, целое, а не отдельные части. Вот почему Он и сказал, например, что все равно, где ни поклоняться, на горе ли Мория, или Гаризине, только бы это совершалось в духе и истине (Ин. 4, 21-24).

Также точно Христос нигде, например, не обличает самоубийства; но ужели мы поэтому стали бы обвинять Его в том, что Он позволяет самоубийство? Равным образом Он никогда не порицал рабства — должны ли и мы поэтому симпатизировать рабству и стоять за него? Нет, мы должны скорее поступать по смыслу Его слов: *люби ближнего своего, как самого себя!* и: *не введи нас во искушение!* Если теперь мы попросим в этом смысле чистосердечного ответа на вопрос, может ли Священное Писание, которое стремится к совершенству, одобрять употребление такого, как достоверно известно, отуманивающего, приводящего в бесчувственное состояние средства, как вино, - то ответ, несомненно, будет отрицательный. Кто осмелился бы назвать идеальной личностью того, кто, став во главе какого-нибудь общества, стал бы содействовать его опьянению? Мы решительно утверждаем поэтому: если бы Христос жил сейчас между нами, то Он не так объяснял бы различным книжникам смысл слова Божия, как им нравится, как они объясняют, но прежде всего выгнал бы защитников пива и вина — хотя бы они имели и приличную одежду — из их храмов, чтобы затем легче было справиться с диаволом алкоголя и его дружиной. Он не сделался бы при этом помощником католическим аббатам в производстве „Бенедиктинского ликера”, равно как не стал бы монашествующей братии содействовать в пивоварении; Он не стал бы размахивать пивною кружкой и при роскошных обедах чокаться стаканом вина или бокалом шампанского...

Один из католических энергичных борцов за абстиненцию в Швейцарии (епископ Августин Еггер) говорил: „Не случайно произошло то, что Божественный Промысл сделал абстинентом того мужа, который должен был приготовить путь для Господа. Это — прототип для того времени, в которое является необходимость поддержать опускающееся и снова поднять опустившееся поколение. Слова научают, а примеры увлекают”.

А Павел апостол? Он, который для немощных сделался немощным, чтобы приобрести немощных, охотно вступил бы теперь в общество трезвости и свои увещания

против злоупотребления свободой повел бы таким тоном и способом, который не допустил бы никаких перетолкований и искажений, как это не редко бывает у нас. Поэтому и здесь необходимо должны иметь значение слова: *дорожите временем* (Ефес. 5, 16) или, как еще точнее говорится у Апостола: *испытывайте (искушайте) время*, которое дано вам для совершения добра, а в отношении алкоголизма должно только прибавить заключение этого места Библии: *потому что дни лукавы*.

Наконец, профессор Гарнак результат своего исследования выражает такую фразой: „Человек должен в целесообразном пользовании всеми драгоценными дарами природы сохранять свою мудрость и свою нравственную силу”. На это следует сказать, что о целесообразном пользовании не может быть, конечно, и речи, если в драгоценном даре природы уничтожается питательное свойство и он превращается в отраву народа, в такое вещество, которое медицина причисляет к группе убийственной наркотики: хлороформа, эфира и т.п. Профессору фармакологии и физиологической химии это должно бы быть яснее, чем кому-либо. Крайне желательно поэтому, чтобы он свою „мудрость и нравственную силу” проявлял каким-нибудь другим образом, а не посредством таких сочинений, которые способны углаживать путь алкоголизму.

Что же касается „фанатизма”, в котором нас, абстинентов, упрекает Гарнак, то это есть высокогуманное и честное воодушевление для совершения такого доброго дела — воодушевление, которое во все времена сопровождалось практическим успехом и большой пользой. Мы желали бы только, чтобы все живущие в рассеянии и в разных местах абстиненты заимствовали нечто, от этого „фанатизма” и открыто заявляли свое единомыслие с теми, которые пролагают и расчищают пути к воздержанию, чтобы они вступали в их общества, братства и союзы и таким образом практически помогали бы разрывать постепенно оковы дурной привычки! Пусть работают с такою же энергиею и друзья умеренности в употреблении спиртных напитков! Хотя им никогда не удастся провести в жизнь народа принцип умеренности в употреблении спиртных напитков, но они по крайней мере будут обращать внимание на угрожающую опасность и таким образом готовить путь абстиненции. Они не должны при этом забывать, что всюду, где была работа в борьбе с алкоголизмом с положительным успехом, — это была работа абстиненции, которая одна только не оставалась в этом отношении без результатов. Для всех благомыслящих людей, которым дорого благо и интересы ближнего, главной задачей должно быть устранение предрассудков и предубеждений против полного отречения от алкоголя и потому мы всею полнотою любви своей просили бы сделать это хотя бы в виде опыта. Чрез отречение от сомнительного наслаждения несомненно опасным напитком — ничего не теряют, а только выигрывают и в жизнерадостности, и в крепости телесных и духовных сил.

А все те, которые призваны, или воображают себя призванными, воспитывать народ и хотят словом и писанием просвещать людей, исправлять и обращать их к Богу и покаянию, пусть помнят, что дурная привычка, которая тысячи и миллионы привела к пьянству и гибели, никогда не будет искоренена и побеждена, если вместо того, чтобы подавать народу добрый пример, будут говорить вину такие слова и воспевать такие дифирамбы, как профессор Гарнак, а потому им по преимуществу нужно помнить слова Апостола: *Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных* (1 Кор. 8, 9).

В заключение для выяснения содействия Православной Церкви делу борьбы с пьянством путем совершенного воздержания от спиртных напитков я считаю не лишним присоединить следующее краткое (в шести пунктах) изложение учения абстинентов с нравственным его обоснованием:

1. Несомненно, что виноградная лоза есть дар Божий и ее плод - виноградная ягода, есть очень драгоценный продукт, и приготовляемый из нее виноградный сок может быть с благодарностью употребляем во здравие нам и во славу Божию. Но приготовление из виноградного сока посредством брожения крепкого алкогольного вина есть дело чисто человеческое. И если отсюда происходит вред для человека и всего человечества, то он должен быть всячески устраняем, и его нельзя уже оправдывать указанием на вино как на дар Божий.

2. Нравственность требует от нас господства духа над телом и сообразного с этим попечения о теле и исключает всякую недостойную человека неумеренность. Не совершенное воздержание в каждом случае есть высший, нравственный идеал, но целесообразное, находящееся под воздействием и руководством духа употребление членов тела. Если бы совершенное воздержание при всех обстоятельствах было самым высшим идеалом, тогда девство, например, или безбрачие было бы высшим идеалом нравственности. Но эта мысль не верна, так как всеобщее безбрачие повело бы к нарушению заповеди Божией: *раститесь и множитесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28) и к прекращению человеческого рода.

3. Но нравственность может в индивидуальном случае налагать обязанность к личному воздержанию от алкоголя, будет ли это происходить из желания избежать вреда для тела, или в целях воздействия на других людей. Такая обязанность, принимаемая на себя в виде обета, носит в себе свое внутреннее нравственное оправдание. Совет Спасителя богатому юноше: *иди, продай свое имение и раздай нищим* (Мф. 19, 21), происходил из такой индивидуальной заботы о спасении души, но не был всеобщим, обязательным для всех законом.

4. Личная свобода совести каждого отдельного человека есть неоценимое сокровище, которое должно быть уважаемо и соблюдено при всех обстоятельствах. Иисус Христос самоопределение личности всегда имел пред глазами как нравственный идеал. Но путь к этому самоопределению Он показал не в безусловном утверждении собственного „я” при эгоистическом попрании и полном игнорировании всех других существований, но в самоотвержении, сопряженном с принесением собственного „я” на дело служения любви к ближнему. *Чрез это свобода отдельной личности является неразрывно связанною с долгом любви к целому обществу.* В добровольной отдаче себя служению этому долгу любви и заключается торжество свободы.

5. Если, таким образом, я знаю, что весь народ, среди которого живу я, тяжело страдает от какого-нибудь бедствия, то эта любовь обязывает меня сделать все, что только я могу предпринять к устранению бедствия, а прежде всего употребить то средство, которое может быть наиболее действенным. А самое действительное средство против алкоголя как в отношении общественного оздоровления, так и уврачевания отдельных его жертв есть совершенное отречение от употребления спиртных напитков. Если мой взгляд на это дело таков, что я глубоко проникнут убеждением в истинности его, то это полное

воздержание может быть для меня индивидуальным нравственным долгом любви. Исполнение этого долга будет самым решительным образом укреплять меня в деле публичной агитации и в наступательных действиях борьбы и придавать моим словам самую действительную силу.

6. Если я по своему званию и служебному положению обязан более, чем другие, работать в деле врачевания народа от недуга, то индивидуальный нравственный долг любви может сделаться для меня таким, который я должен исполнять также и по моему призванию. Отсюда вытекает долг воздержания, ближе всего лежащий на священниках и деятелях и деятельницах в области внутренней миссии, к коему они призываются своим общественным положением и должностью. В Ветхом Завете священникам дана была заповедь: *И сказал Господь Аарону, говоря: вина и крепких напитков не пей ты и сыны твои с тобою, когда входите в скинию собрания, дабы не умереть. Это вечное постановление в роды ваши, чтобы вы могли отличать священное от несвященного и нечистое от чистого* (Лев. 10, 8—10). В Новом Завете нет уже определений закона, но только любовь, а любовь есть самая большая заповедь: *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10). А потому ради этой любви те, которые по своему призванию являются преимущественными благовестниками спасающей любви во Христе Иисусе, прежде всех должны помогать в борьбе с алкоголизмом своим полным воздержанием.

Любовь есть исполнение закона! Этим словом заканчиваю я доклад свой. Пусть это слово напомнит всем нам, вступившим в ряды борцов против алкоголизма и в особенности нам, служителям Церкви, о долге любви в этой борьбе. Да вселяется она обильно в сердца наши и да благословит Господь эту нашу работу Своим благословением и успехом!